

Глава 4. Глава ордена

Холодный ветер свистел меж деревьев, кружа сухую палую листву. В завывании ветра явственно слышался жалобный шорох ветвей.

На пике Чанлэ, во дворе виллы Орхидеяевого павильона, стояли двое. Оба мужчины были неописуемо хороши собой, но держались совершенно по-разному.

Первый — в лазурных одеждах — казался мягким, утончённым книжником; второй — с волосами белыми как свежавыпавший снег и едва заметным серебристым узором меча на лбу — прижимал к груди ритуальную метёлку-фучэнь, всем своим видом являя образец ледяного, неприступного величия.

Правда, сейчас эта благородная, гордая маска заметно натянулась и одеревенела.

Складывалось ощущение, будто виновник погрома питал к здешней флоре глубокую, почти личную ненависть. Едва переступив на рассвете порог виллы, гости застыли в изумлении перед несчастным сливовым деревом, которое кто-то безжалостно выдрал с корнем прямо из земли.

Кора пошла глубокими трещинами, желтоватые лепестки хаотично усыпали весь двор, словно сорванная одежда, а сиротливо торчащие голые ветви выглядели куда уродливее и печальнее иссохшего зимнего валежника.

Взирая на разгром, напоминавший последствия песчаной бури, и на валяющийся неподалёку перевёрнутый гроб, Цюй Цинъюэ невольно сопоставил факты. Он покачал головой с горькой усмешкой:

— Дай ему хоть целую сотню лет на созерцание и покой, он всё равно не остепенится. Нрав у него прежний — взрывной.

Пэй Таньцзы промолчал.

Это сливовое дерево когда-то посадил он сам в знак того, что Лян Сюань принят им в ученики.

Поступок негодника был ничем иным, как неприкрытым вызовом, глумлением над сыновним долгом и объявлением войны наставнику. Чистой воды бунт — на такое способен лишь самый неблагодарный, нечестивый воспитанник.

Благородный Почтенный Хуачэнь глубоко вздохнул и подумал:

«Ничего страшного. Пусть Вэйцы так суров со мной, я всё равно буду любить и баловать его. Ну как иначе, ведь он мой самый любимый младший ученик!»

Окружающие наверняка усмотрели бы в этом святотатство и попрание всех устоев, но для Почтенного Хуачэня это было лишь очаровательным капризом. Мальчик просто дуется и пытается привлечь внимание своего учителя. Какая прелесть.

Заметив, что Пэй Таньцзы всё ещё держал каменное лицо, но при этом едва заметно усмехнулся, Цюй Шэн мысленно вздохнул. Наверняка этот безумный покровитель Лян Сюаня опять пустился в свои привычные фантазии на тему: «учитель и ученик — как отец и сын», «наши узы нерушимы» и «Вэйцы можно простить абсолютно всё».

В каком-то смысле этот человек был неизлечим.

Кому расскажи — не поверят. Кто бы мог подумать, что грозный, высокомерный глава Цинсяо-цзун, великий старейшина стадии Великого Совершенства, способный одним лишь взглядом заморозить всё живое в радиусе десяти шагов, на деле окажется безнадёжным, помешанным на своём ученике безумцем?

— Младший брат покинул гробницу на целых три дня раньше срока и, скорее всего, уже спустился с горы, — заговорил Цюй Цинъюэ. — Что намерены делать, учитель? Отправитесь за ним лично?

Пэй Таньцзы хранил молчание. Его лицо оставалось маской вечного льда, неприступной и безучастной.

Но Цюй Цинъюэ прекрасно знал: наставник не просто делает вид, будто не слышит. Он действительно пропускает слова мимо ушей, окончательно увязнув в пучине собственных сладких грёз.

Цюй Цинъюэ прочистил горло:

— Учитель?

Ответа не последовало.

Цюй Цинъюэ набрал в грудь побольше воздуха и крикнул, словно пытался докричаться до покойника:

— Глава ордена!

Пэй Таньцзы вздрогнул, мгновенно вернувшись в реальность, и неловко кашлянул в кулак. Однако когда Цюй Цинъюэ уже приготовился выслушать мудрое решение, тот лишь безучастно выдавил:

— Угу.

И замолчал.

«Ну вот, опять ничего не слышал», — удручённо подумал Цюй Цинъюэ.

Со второй попытки до Пэй Таньцзы всё же дошёл смысл вопроса. Он погрузился в раздумья, явно колеблясь.

Судя по всему, его драгоценный ученик сейчас переживал период бунтарства и питал к нему глубокую неприязнь. Созерцая безрадостную участь сливового дерева, Пэй Таньцзы всерьёз опасался, что без посредника Лян Сюань при первой же встрече во всеуслышание пошлёт его куда подальше.

Если подобный позор случится через два дня на торжественной церемонии принятия учеников, от репутации главы ордена не останется и мокрого места. На неё, впрочем, Пэй Таньцзы было плевать, но вернуть своего Вэйцы он был обязан во что бы то ни стало.

Заметив, как помрачнел наставник, Цюй Цинъюэ мягко улыбнулся:

— Быть может, мне стоит самому разыскать его и поговорить по душам? Вэйцы всё-таки прожил на свете больше века, он должен понять доводы разума. К тому же у вас ведь тоже не было выбора.

Он сделал небольшую паузу и добавил:

— Время сглаживает углы — и былую любовь, и затаённые обиды. Раз Вэйцы восстал из гроба раньше срока, значит, его одержимость не так глубока, как мы боялись. Пока его разум не затуманен до конца, надежда ещё есть.

Пэй Таньцзы устало потёр переносицу. Он замялся, но так и не проронил ни слова.

В этот момент со стороны тропы послышались торопливые шаги — к ним спешил один из учеников. Воспитанники внутреннего круга Цинсяо-цзун всегда отличались безупречными манерами; даже сейчас, когда лицо юноши искажала тревога, а со лба катился холодный пот, он не выглядел жалко или неряшливо.

Завидев Почтенного Хуачэня и Сиу-цзюня, юноша почтительно склонился в глубоком поклоне, сипло переводя дыхание:

— Приветствую главу ордена, приветствую дядюшку Цюй.

Пэй Таньцзы медленно повернул к нему голову. Его ледяной взор и ровный, глубокий голос так и дышали сокрушительной духовной мощью старейшины:

— В чём дело?

Простым ученикам редко выпадала честь лично лицезреть главу ордена. В их умах образ великого старейшины ассоциировался лишь с двумя словами: «беспощадный» и «ужасающий». Однако дело было слишком спешным, чтобы робеть. Стараясь не смотреть Пэй Таньцзы в глаза и изо всех сил сдерживая дрожь в коленях, ученик заговорил взхлёб:

— Единственный сын Бессмертного господина Юйяня, Шэнь Чэнге... молодой господин Шэнь Гумин! По пути в Цинсяо-цзун на него совершено нападение. Его похитил разбойник!

Цюй Цинъюэ недоумённо нахмурился:

— Похититель с большой дороги? Как могли среди бела дня умыкнуть сына прославленного бессмертного мужа? Неужели у молодого господина не было охраны?

— С ним ехали шестеро провожатых, — торопливо ответил ученик. — Но разбойник уложил всех до единого. Бедняги харкают кровью и мычат что-то невнятное, слова из них не вытянешь.

Цюй Цинъюэ ненадолго задумался, а затем перевёл взгляд на наставника:

— Что скажете, учитель? Чьих рук это может быть дело?

Пэй Таньцзы нахмурился. Голос его сделался мрачным, как бездонный омут:

— Дерзнуть на подобное в землях Цинсяо-цзун могли либо безумные от собственной безнаказанности отступники, либо порождения бездны, в чьих жилах течёт скверна демонической крови. Чужакам веры нет, они всегда замышляют зло.

Цюй Цинъюэ отлично знал, что учитель люто ненавидел демоническое отродье и тёмных заклинателей. И действительно, в следующий миг Пэй Таньцзы ледяным тоном спросил:

— Вы допросили раненых? Личность мерзавца установить удалось?

Юноша замялся, подбирая слова:

— Спросить-то спросили, да толку мало. Твердят одно и то же: похититель был один, мужчина в белых одеждах, на голове — широкополая шляпа-вэймяо с вуалью...

Пэй Таньцзы презрительно фыркнул с отвращением:

— Тварь в человеческом обличье!

— И это всё? — вздохнул Цюй Цинъюэ. — Никаких особых примет?

Ученик в замешательстве поскрёб затылок, силясь вспомнить подробности:

— Лица из-за вуали никто не разглядел, но кожа у него белая-белая. Сам высокий, сутулится малость, со спины кажется совсем тонким, хрупким даже. Да и манера речи у него чудная, а голос...

Чем дальше он говорил, тем сильнее менялся в лице Цюй Цинъюэ.

Догадка мгновенно вспыхнула в его голове. Он уже прекрасно понимал, кто этот «дерзкий разбойник», и осторожно покосился на главу ордена.

Почтенный Хуачэнь, однако, и ухом не повёл. Сохраняя всё то же высокомерное, недовольное выражение лица, он ядовито процедил:

— Прячет лицо, трусливый как крыса! Видать, совесть нечиста. Паршивый пёс, грязная свинья!

Цюй Цинъюэ уже открыл было рот, чтобы предостеречь наставника, но старейшина, распаляясь гневом, громогласно отчеканил:

— Какое бездарное ничтожество взрастило подобного мерзавца?!

Цюй Цинъюэ поспешно закрыл рот.

Ученик продолжал что-то усердно лепетать, и на каждую деталь Пэй Таньцзы отзывался новой порцией ругательств. У Цюй Цинъюэ от этой тирады уже мелко дрожали пальцы. Наконец юноша хлопнул себя по лбу:

— Ах да! Один из стражников разглядел нападавшего получше. Он заметил у похитителя на шее крошечный кулон из красного нефрита. А ранения они получили странные — их поразило оружие, похожее на птичье перо.

Наступила гробовая тишина.

— Какое ещё перо? — нахмурился Пэй Таньцзы.

Цюй Цинъюэ обречённо пробормотал себе под нос:

— Ну конечно, какое же ещё...

— Перья сине-зелёного цвета, — послушно доложил ученик. — Вошли так глубоко в плоть, что я не решился вытаскивать их своими силами.

Весенний ветер лениво кружил в воздухе сорванные лепестки.

Пэй Таньцзы внезапно онемел.

Цюй Цинъюэ украдкой покосился на профиль наставника.

«Павлинье перо» — легендарное секретное оружие Первого красавца в Поднебесной, носящего имя Лян Сюань, прозванного Ланъин и величаемого не иначе как Вэйцы-цзюнь. Окраской и формой эти снаряды в точности походили на перья павлина, отчего и получили своё название. Нежные и изящные на вид, они обладали сокрушительной убойной силой, полностью зависящей от воли владельца. Если заклинатель достигал вершин мастерства, его перья даровали жизнь или смерть по одному лишь мановению руки.

Раз люди Шэнь Чэнге остались живы, Лян Сюань явно проявил милосердие.

Осознание обрушилось на Пэй Таньцзы подобно грому среди ясного неба.

«Какое бездарное ничтожество взрастило подобного мерзавца?!»

Ирония судьбы была столь сокрушительна, что Цюй Цинъюэ едва сдерживал нервный смех. Чем дальше он развивал эту мысль, тем страшнее ему становилось. Слегка кашлянув, он робко позвал:

—... Учитель?

Пэй Таньцзы не ответил. Он застыл на три долгих вдоха. Когда же оцепенение спало, глава великого ордена с каменным лицом подошёл к погубленному сливовому дереву, отломил сухую веточку, обхватил колени руками, уселся на корточки прямо в грязь и принялся молча чертить круги на земле...

Столь величественный и грозный муж предавался столь жалкому занятию со всей возможной сосредоточенностью.

У пришедшего с вестью ученика глаза едва не вылезли из орбит от изумления:

— Дядюшка... что это с главой ордена?

— Кто ж его знает, — вздохнул Цюй Цинъюэ.

Разумеется, строить догадки вслух он не собирался. Поступки мастера стадии Великого Совершенства, чьё могущество потрясало мир, не пристало обсуждать ничтожным младшим.

Пэй Таньцзы продолжал увлечённо чертить палочкой по земле, совершенно уйдя в себя.

«Ах...»

«Разве мой драгоценный ученик может быть злодеем? Тут наверняка кроется какое-то недоразумение»

«Мой мальчик — самый лучший»

«Как же я его люблю»

Закатное солнце щедро золотило черепичные крыши и красные стены домов. У обочины пыльной дороги сиротливо стояла карета, отбрасывая в сторону длинные неровные тени.

— Ну надо же, какой изнеженный у нас маленький бессмертный господин! — Лян Сюань, которого Пэй Таньцзы мысленно величал «самым милым созданием», без всякого сочувствия похлопал по спине попутчика.

Шэнь Гумин, бледный как полотно, цеплялся за кирпичную кладку стены и безостановочно изрыгал содержимое своего желудка.

— Ну всё, полегчало? — ухмыльнулся Лян Сюань. — Если закончил, пошевеливайся, нам пора ехать дальше.

Скорее бы добраться до места и покончить с делами.

Если даже та вещь не сработает, ему останется лишь окончательно попрощаться с этим бранным миром. В конце концов, лежать в гробу куда спокойнее.

Лян Сюань бросил быстрый взгляд на ладонь — на коже зловещим багровым всполохом пульсировала таинственная метка. Свет то разгорался, то угасал.

Его Синьмо был подавлен лишь на семьдесят процентов.

— Катись отсюда! — выплюнул Шэнь Гумин, силясь вернуть лицу высокомерное величие, хоть земля и уходила у него из-под ног от головокружения.

Конечно, катиться Лян Сюань никуда не собирался. По крайней мере, сейчас.

Он спрятал ладонь в широкий рукав и принялся ласково поглаживать юношу по спине, точно строптивую кошку:

— Ладно-ладно, обязательно покатаемся... по постели. Обещаю, после моей постели тебе придётся держаться за стенку, чтобы не упасть. Маленький бессмертный господин точно останется доволен! Не забудь потом поставить пять звёзд за обслуживание.

От этой несусветной чуши Шэнь Гумин, вместо того чтобы успокоиться, взбесился пуще прежнего. Он резко развернулся и с кулаками бросился на обидчика.

Впрочем, Лян Сюань без труда перехватил его руки. словно нашкодившего цыплёнка, он бесцеремонно дотащил упирающегося и пытающегося укунить его юношу до кареты, забросил внутрь и строго пригрозил пальцем:

— Сиди смирно. Если мы не доберёмся до места к завтрашнему утру, я тебя догола раздевать стану. А уж что за ужасы начнутся после... Думаю, тебе не хочется, чтобы твоя невинность, которую ты так бережно хранил целых шестнадцать лет, пала от моих рук.

Шэнь Гумин лишился дара речи.

Какая, к чёрту, невинность?! Какая пагуба?! Да чтоб тебя!..

Он буквально онемел от ярости.

Лян Сюань то насмехался, то открыто угрожал, и несчастный пленник уже совершенно запутался, где этот безумец шутит, а где говорит всерьёз.

Шэнь Гумин до сих пор помнил обещание утопить его в свиной клетке. Он мысленно поклялся: стоит лишь вырваться из лап этого чудовища, поступить в ученики к первому среди Десяти святых — великому Мастеру меча Цзихуа, Вэйцы-цзюню, и овладеть вершинами боевых искусств, как он первым же делом разыщет этого гада, самолично запрёт в клетку для свиней и пустит на дно речное!